

XXXII г.

№ 39

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXII

1901

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 24-хъ книгъ „Сборника“, содерж. соч. Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 29-го сентября 1901 г.

Цѣна этого №—15 к., съ пер. 20 к.

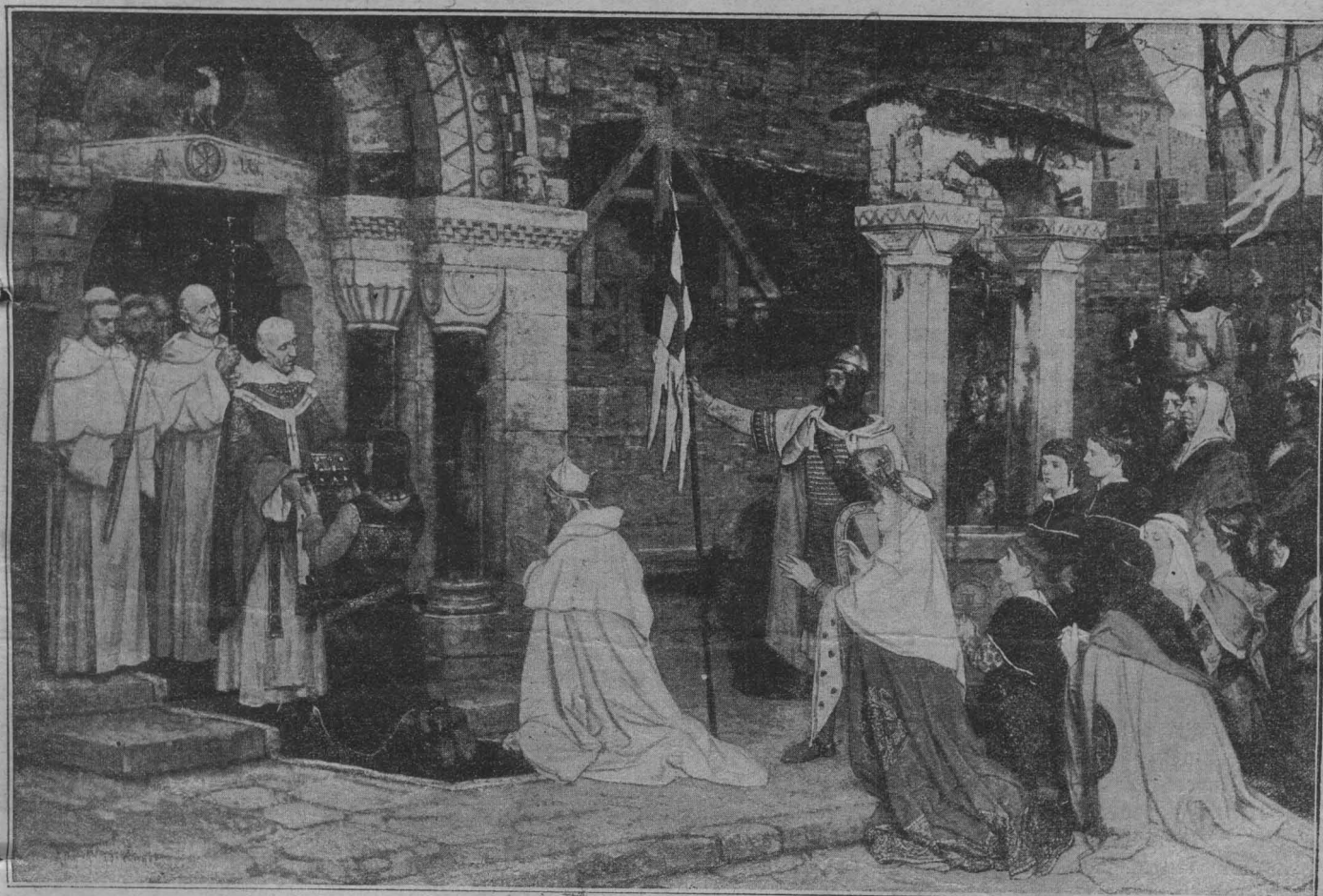
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1901 г.

Подписная цѣна годового изданія „Нивы“ со всеми приложеніями на 1901 г.: 24 книги Сборника „Нивы“, содержащихъ полное собраніе сочиненій Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО, 12 книгъ „Литературныхъ приложеній“, и пр., и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ.	5 р. 50 к.	Безъ дост. въ Москвѣ въ конторѣ Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи.	6 р. 25 к.	Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевская, 12.	6 р. 50 к.	Съ доставкою въ Петербургъ.	6 р. 50 к.	Съ пересылкою во все мѣстности Россіи.	7 р.	За гра-лицу.	10 р.

На 1/2 года съ дост. въ СПБ. 1 р. 75 к., съ перес. иногор. 1 р. 75 к.; на 1/2 года съ дост. въ СПБ. 3 р. 50 к., съ перес. иногор. 3 р. 50 к.

Къ этому № прилагается: Сборникъ „Нивы“ № 18, содержащій „Полное собраніе сочиненій Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО“, томъ XVIII.

Тьерри Эльзасскій привозитъ въ Брюгге частицу святой крови. Картина А. де-Вриндъ, авт. „Нивы“.

Преграда.

Повѣсть

П. М. Невѣжина

(Продолженіе).

V.

Проживъ нѣсколько дней въ столицѣ, Лидія Сергѣевна и Варя собрались уѣзжать. Прощаніе было очень печальное, какъ будто кого-то хоронили.

Послѣ отъѣзда матери и сестры Наташа безвыходно сидѣла дома. Ей не хотѣлось никого видѣть, и она велѣла горничной отказывать всѣмъ. Но около того времени, когда обыкновенно приходилъ Евгенийъ Егоровичъ, раздался звонокъ. Горничная широко распахнула дверь. Въ этотъ моментъ въ нее стремительно ворвалась Сидонская. Луша хотѣла заступить ей дорогу, но гостыя оттолкнула ее и прошла въ комнату, въ которой сидѣла Наташа. Увиди Глафиру Егоровну, дѣвушка вскрикнула и убѣжала.

— Прятаться можете сколько угодно, но услышать меня — вы услышите. Такъ вотъ что я вамъ скажу: мужъ легко не вырвется изъ моихъ рукъ. Плохо ему отъ меня придется, да и вамъ также. Лучше отойдите отъ зла, а то со мной не разсчитаетесь.

Испуганная бѣдняжка стояла въ сосѣдней комнатѣ, не шевелясь и не произнося ни одного слова.

— Или не слышите? Кажется, не тихо говорю. А не хотите отвѣчать, и не нужно. Даю вамъ недѣлю на раздумье, а тамъ увидите, что останется отъ вашей красоты.

Наташа вспомнила, какъ ревнивыя жены брызгали сѣрной кислотой въ лицо соперницы. Это наводило ее на мысль, что и Сидонская хочетъ прибѣгнуть къ такому же адскому средству.

— «Отъ нея всего можно ждать», — думала она и потихоньку задвинула дверной шпингалетъ.

Сидонская не унималась.

— Я уѣзжаю, — продолжала она: — но говорю вамъ: не прощайте, а до свиданья.

Вслѣдъ за этимъ въ прихожей послышались тяжелые шаги, и горничная затворила за гостей входную дверь. Вернувшійся Евгенийъ Матвѣвичъ засталъ Наташу въ ужасномъ положеніи. Она была блѣдна, какъ смерть, и голосъ былъ едва слышенъ.

— Что случилось? — съ испугомъ обратился онъ къ ней.

— Была твоя жена. Она собирается брызнуть мнѣ въ глаза какой-нибудь ѣдкой жидкостью, и я ослѣпну...

— Какой вздоръ! Она не осмѣлится этого сдѣлать.

— Почему же? Она все можетъ, все можетъ. Ради Бога, спаси меня отъ этой ужасной женщины.

Чтобъ успокоить любимую дѣвушку и не допустить ее до вторичнаго свиданія съ женой, оставалось одно средство — немедленно уѣхать куда-нибудь. Человѣку, находящемуся въ зависимости отъ службы, не легко это сдѣлать, и Евгенийъ Матвѣвичъ сталъ втупикъ. Но жизнь сдѣлала то, чего онъ не могъ придумать.

Избѣгая встрѣчи съ женой, Сидонскій не шелъ къ ней, хотя срокъ взноса денегъ на содержаніе семьи уже миновалъ.

Принявъ это за нежеланіе выдавать деньги, Сидонская, не долго думая, отправилась жаловаться въ судъ. Предсѣдатель, считавшій Евгения Матвѣвича лучшимъ приставомъ, съ безупречной репутаціей, очень удивился и тотчасъ пригласилъ его къ себѣ.

— Скажите, пожалуйста, что у васъ за непріятная исторія въ семействѣ? Приходила ваша жена съ жалобой, что вы не только не живете съ ней, но не обезпечиваете существованія своихъ дѣтей.

Евгений Матвѣвичъ покраснѣлъ и сталъ оправдываться.

— Дѣйствительно, ваше превосходительство, я разошелся съ ней. Объяснять причины я нахожу неумѣст-

нымъ. Что касается содержанія, я выдаю его аккуратно и только въ этомъ мѣсяцѣ просрочилъ три дня.

— Пожалуйста, поладьте какъ-нибудь, а то эта госпожа пришла сюда и такъ кричала, что я хотѣлъ предложить ей выйти изъ кабинета.

Сидонскій съ горечью улынулся и слегка поклонился.

— Прощу извинить, ваше превосходительство, что невольно доставилъ вамъ непріятность. Но мнѣ еще тяжело, что долженъ лишиться такого начальника; какъ вы.

— Это будетъ жаль. Я дорожу хорошими служащими, а васъ особенно цѣню. Можетъ-быть вы найдете какой-нибудь выходъ.

— Выходъ есть, если, безъ отчисленія, мнѣ разрѣшенъ будетъ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

— О, это я вамъ охотно обѣщаю. Когда понадобится, подайте рапортъ — ну, хоть по болѣзни жены — и я отпущу васъ.

Привѣтливо кивнувъ подчиненному головой, предсѣдатель любезно отпустилъ Евгения Матвѣвича.

Послѣ посѣщенія Глафирой Егоровной предсѣдателя и набѣга на жилище Наташи, Евгенийъ Матвѣвичъ увидѣлъ, что оставаться пассивнымъ нельзя. Такъ какъ предложеніе его уплатить за разводъ извѣстную сумму было отвергнуто, то Сидонскому приходилось подумать, какъ другимъ путемъ отдѣлаться отъ преслѣдованій супруги. Поэтому Сидонскій рѣшилъ немедленно воспользоваться любезностью предсѣдателя, взять отпускъ и уѣхать.

Отправившись къ женѣ, вручить за два мѣсяца впередъ деньги, онъ простился съ дѣтьми и, не сказавъ о своемъ отъѣздѣ, собрался въ путь.

Переиспытанное не прошло безслѣдно для Наташи.

Отъѣхавъ нѣсколько сотъ верстъ, Сидонскій, сидя подлѣ любимой дѣвушки и видя на ея лицѣ необычную блѣдность, съ чувствомъ заговорилъ:

— Ахъ, дорогая, если-бъ ты могла понять борьбу, происходящую во мнѣ! Счастье, которое я узналъ съ тобой, такъ велико, что ради него мнѣ ничто не страшно, но ты... ты... истерзана... Порой меня мучитъ мысль, что ты раскаишься въ томъ, что полюбила меня.

На лицѣ дѣвушки показалась грустная улыбка. Положивъ руку на плечо Евгения Матвѣвича, Наташа какъ-то съ неохотой проговорила:

— Не будемъ касаться этого. Я не жалуюсь... неужели этого мало?

— Твое молчаніе не можетъ обмануть меня. Припомни, кто говорилъ, что ради любви можно многимъ пожертвовать? Тогда я вѣрилъ тебѣ, а теперь вижу, что ошибался.

Дѣвушка закрыла лицо руками и, покачавъ головой, негромко отвѣтила:

— Я старалась себя убѣдить, но это оказалось выше моихъ силъ. Я слишкомъ слаба волей, чтобъ бороться съ собой и обществомъ. Одно то, что я отчуждена отъ мамы и сестры, не можетъ не отзываться болью въ моемъ сердцѣ. Но это пройдетъ... пройдетъ... Подлѣ тебя я наберусь силъ и черезъ нѣсколько времени обращусь въ стойкую женщину.

Наташа крѣпко обняла Сидонскаго. Страстный поцѣлуй временно отуманилъ влюбленнаго Евгения Матвѣвича, но на душѣ его остался прежній гнетъ.

Поселившись въ укромномъ мѣстѣ, Сидонскій стряхнулъ съ себя соръ недавнихъ дразгъ, и ему дышалось легче. Но на Наташу перемѣна обстановки не дѣйствовала благотворно. Она напротивъ все блѣднѣла, и у нея сталъ появляться сухой кашель. Обезпокоенный Сидонскій позвалъ врача. Тотъ, изслѣдовавъ Наташу, позвалъ Евге-

ни Матвѣевича, и посовѣтовать перебраться на югъ, гдѣ питаніе и морской воздухъ могутъ оказать благотворное вліяніе на разстроенный организмъ.

Предположивъ сначала поселиться на берегу Чернаго моря, Евгеній Матвѣевичъ измѣнилъ свое намѣреніе и предпочелъ отправиться въ Италію, гдѣ больше благоустройства и жизнь дешевле.

Дохавъ до мѣста, Сидонскій нанялъ на берегу моря домикъ и обставилъ его какъ можно лучше. Появилась умѣлая кухарка и приличная горничная, словомъ все, что требовалось для людей, привыкшихъ жить въ довольствѣ. Одного не хватало—душевного покоя. Самое положеніе Сидонскаго должно было заставить его призадуматься. Отпускъ не могъ быть очень продолжительнымъ, и бездѣлье томительно отзывалось на человѣкѣ, привыкшемъ работать. Это поняла Наташа и повела объ этомъ рѣчь.

— Жень, какъ я связала тебя. Если раздоръ съ женой отравлялъ тебѣ жизнь, то ты могъ освободиться отъ нея, не налагая на себя такой тяжелой ноши, какъ я.

— Наташа, что ты говоришь! — съ неудовольствіемъ проговорилъ онъ. — Безъ такой ноши, какъ ты, для человѣка нѣтъ жизни. Не беспокойся, я что-нибудь придумаю и устроюсь, чтобъ намъ не возвращаться въ столицу. Мы соединились съ тобой, зная, что намъ предстоитъ борьба, будемъ же бороться.

— Будемъ, будемъ... — задумчиво повторила Наташа, со страхомъ думая, что для этой борьбы у нея нѣтъ уже силъ.

Дни проходили за днями, южная природа радовала всѣхъ, солнце пригрѣвало, но на сердцѣ молодой дѣвушки становилось все холоднѣй и холоднѣй. Появились мысли, которыя никогда не покидали ея.

«Какъ я могла поступить такъ? Кто мнѣ далъ на это право? Мать, сестра... что онѣ должны испытывать отъ разлуки со мной! А я не пожалѣла ихъ. А его дѣти? Они брошены, забыты. Какъ же всѣ честные люди должны называть меня?»

Это позднее раскаяніе происходило отъ полной неудовлетворенности, которую ощущала Наташа. Совѣсть, никогда не засыпающая вполне, обратилась въ неумолимаго мстителя. Томительная тоска, которую не могли отогнать ласки любимаго человѣка, доводили дѣвушку до отчаянія. Вспоминая просьбу матери, она рѣшалась разстаться съ Сидонскимъ и ѣхать домой, но стоило ей заикнуться объ этомъ, чтобъ вызвать въ Евгеніи Матвѣевичѣ бурю.

Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, Наташа перестала говорить объ отъѣздѣ и, желая скрыть свое чувство, старалась быть веселой.

Такъ проходили дни. Несмотря на рассказы о пресловутой заграничной дешевизнѣ, Евгенію Матвѣевичу приходилось тратить очень много. При этомъ приходилось аккуратно высылать ежемѣсячно деньги на содержаніе семейства. Такіе расходы начинали беспокоить Евгенія Матвѣевича, и ему невольно западала мысль хоть на время возвратиться домой, чтобы немного поправить свои дѣла. Но нельзя же было оставить болѣзненную женщину на рукахъ у постороннихъ людей. Вдругъ ему пришла блестящая мысль убѣдить Наташу выписать Лидію Сергѣевну и Варю. Къ такому щекотливому вопросу надо было подойти осторожно, и Сидонскій началъ издали.

— Дорогая моя, я понимаю, что тебя должна разстраивать мысль, что ты не видишь матери и сестры. Что если-бъ ты написала имъ и просила пріѣхать сюда?

Евгеній Матвѣевичъ не могъ доставить любимому существу большей радости, какъ сдѣлавъ такое предложеніе.

— Милый мой, спасибо тебѣ! — обнимая, шептала Наташа. — Я напишу имъ, и онѣ не откажутъ. Вотъ будетъ радость!

Наташа немедленно отправила письмо и, намекая на свою болѣзнь, въ теплыхъ выраженіяхъ просила мать и сестру пріѣхать къ ней погостить.

Лидія Сергѣевна тотчасъ отвѣтила телеграммой, что ѣдетъ, а затѣмъ явилась сама съ Варей.

Увидя дочь, Томнова смутилась. Наружность Наташи показалась ей очень подозрительной, но она не подала виду и сердечно проговорила:

— Здравствуй, голубушка. Давно сама хотѣла повидаться съ тобой. Наконецъ-то исполнилось мое желаніе.

Непринужденный тонъ, съ которымъ говорила Лидія Сергѣевна, ободрилъ Наташу, и она нѣжно спросила:

— А за то, какъ я поступила, — не сердитесь?

— Кого любить, тому все прощаютъ.

Съ Евгеніемъ Матвѣевичемъ пріѣзжія обошлись холодно. Но Сидонскій былъ очень доволенъ тѣмъ, что пріѣздъ родныхъ развязывалъ ему руки, и онъ могъ на время вернуться къ мѣсту своего служенія. Однако онъ не разомъ посвятилъ Томновыхъ въ свои намѣренія. Выждавъ, когда остался съ Варей наединѣ, онъ обратился къ дѣвушкѣ:

— Мои служебныя дѣла заставляютъ меня на время вернуться на родину. Вѣроятно, вамъ не будетъ въ тягость пожить здѣсь въ мое отсутствіе?

— Объ этомъ не надо спрашивать. Наташа для насъ дороже, чѣмъ для кого-нибудь.

Колкость была понятна, но Евгеній Матвѣевичъ счелъ за лучшее промолчать и только вскользь замѣтилъ:

— Тогда вы устройте такъ, чтобъ ваша сестра спокойно отнеслась къ моему отъѣзду.

— Если это возможно, я постараюсь.

При первыхъ словахъ сестры Наташа остановила ее:

— Ты удивляешь меня. Я — не ребенокъ, чтобъ со мной играли въ жмурки. Все, что касается его и меня, сказать долженъ мнѣ онъ, а не кто-нибудь другой.

Варѣ понравилась стойкость Наташи.

— Я такъ же думаю и пойду передамъ ему твои слова.

Евгеній Матвѣевичъ очень обрадовался, что его намѣреніе не произвело на Наташу дурного впечатлѣнія, и тотчасъ пошелъ съ ней объясниться.

— Дорогой другъ, ты кажется не поняла моей осторожности. Я обратился къ тебѣ не самъ, а поручилъ сестрѣ сообщить о необходимости нашей разлуки потому, что боялся встревожить тебя. Но ты оказалась такимъ молодцомъ, что я выскажу безъ стѣсненія все, все!

— Да, милый мой, это самое лучшее. Я вѣрю въ твою преданность, и во мнѣ не можетъ зародиться подозрѣніе. Побѣждай и дѣлай то, что надо. Я знаю, что мысль обо мнѣ не покинетъ тебя, а твоя Наташа... она будетъ и отсюда твоимъ ангеломъ-хранителемъ.

Евгеній Матвѣевичъ страстно цѣловалъ руки любимой дѣвушки и молча смотрѣлъ на ея милое лицо.

— Да, да, Наташа! Ты — счастье моей жизни. Но что же дѣлать? На мнѣ лежитъ обязанность работать и добывать необходимое. Тутъ же, ты сама видишь, что я могу сдѣлать?

— А ты однако хитрый! Я сначала думала, что мы приглашаемъ мать и сестру безъ особой цѣли, а теперь вижу, что тутъ была задняя мысль — оставить меня на ихъ рукахъ. Вѣдь, правда?

— Да, ты не ошиблась. Это входило въ мои расчеты.

— Умно. Побѣждай же и не тревожься. Я постараюсь не тосковать и съ нетерпѣніемъ буду ждать твоего возвращенія. Только одинъ уговоръ: чтобъ каждый день я имѣла отъ тебя письмо.

— Писать тебѣ будетъ для меня наслажденіемъ.

Прощаніе было трогательно, но Наташа не проявила даже нервнаго волненія и не проронила ни одной слезы. Только высоко поднимавшаяся грудь показывала, что не такъ-то легко ей сдерживать себя.

Лидія Сергѣевна и Варя довольно тепло простились

Секретъ. Картина Р. Ф. Кærри.

Ремонтъ. Ориг. рис. (собств. «Нивы») И. И. Ижанича, авт. «Нивы».

съ отъѣзжавшимъ, и Евгенийъ Матвѣевичъ покатиъ на родину.

V.

Направляясь въ судъ, Сидонскій очень тревожился, удачи ли ему получить прежній участокъ, но его опасенія оказались напрасными. Предсѣдатель привѣтливо встрѣтилъ своего подчиненнаго и даже разспрашивалъ о томъ, гдѣ онъ былъ и въ какомъ положеніи находится его семейныя дѣла. Узнавъ о болѣзни Наташи, онъ выразилъ сожалѣніе и объявилъ, чтобъ Сидонскій вступилъ въ исполненіе обязанностей судебного пристава въ томъ же участкѣ, гдѣ былъ до отъѣзда.

Опять потянулась служба съ дежурствами, описями и другими обязанностями пристава. Никогда еще Евгенийъ Матвѣевичъ такъ страстно не ждалъ, когда-то подвернется крупное дѣло. Но, какъ нарочно, ихъ не было, и приставъ прибѣгалъ къ займамъ за большіе проценты.

Увидя мужа, пришедшаго провѣдать дѣтей, и узнавъ, что онъ вернулся одинъ, Сидонская вообразила, что между Евгениемъ Матвѣевичемъ и Наташей произошелъ разрывъ. Это соображеніе наводило ее на мысль, что Сидонскій если не ради нея, то ради дѣтей можетъ возвратиться въ семью. Глафира Егоровна относилась къ семейной катастрофѣ, не какъ къ чему-то роковому, а считала увлеченіе Евгения Матвѣевича баловствомъ, которое непременно должно, рано или поздно, окончиться. Придя къ такому заключенію, Сидонская написала мужу, что желаетъ объясниться съ нимъ, и назначила день, когда явится.

Въ назначенное время Глафира Егоровна дѣйствительно вошла въ нумеръ, занимаемый Евгениемъ Матвѣевичемъ. Ожидая ее, онъ стоялъ посреди комнаты и не двинулся встрѣтить входившую, а дѣловымъ тономъ спросилъ:

— Что вамъ отъ меня угодно?

— Довольно тебѣ ребячиться. Ну, подурилъ и будетъ. Правду говорить, что сколько ни гулять, а домой вернуться не миновать. Видно, барышня наставила тебѣ нось и подѣломъ.

Сидонскій не возражалъ и молча смотрѣлъ на жену.

— Что ты на меня смотришь? Я тебѣ дѣло говорю.

— Вы не имѣете ничего мнѣ больше сказать?— рѣзко и громко проговорилъ онъ.

При этихъ словахъ Глафира Егоровна почувствовала разочарованіе. Она поняла, что ея самоувѣренность была напрасной. Холодный тонъ, съ которымъ обратился къ ней мужъ, ясно доказывалъ, что у него нѣтъ мысли о примиреніи.

— Что мнѣ еще угодно? — повторила она. — Ничего больше.

— Такъ вамъ совершенно бесполезно оставаться здѣсь. Чтобъ покончить разъ навсегда эти безплодныя свиданія, я опять повторяю: никакая сила не соединитъ меня съ вами. Если же вамъ тягостно встрѣчаться со мной у себя, то есть средство избавиться отъ этихъ посѣщеній— посылайте ко мнѣ дѣтей.

Потерпѣвши неудачу, Сидонская сбросила съ себя маску и заговорила по прежнему грубо.

— Буду я посылать къ тебѣ дѣтей! Ты еще увезешь котораго-нибудь.

Сказавъ это, она улыбнулась и вышла, хлопнувъ дверью.

Какое облегченіе почувствовалъ Евгенийъ Матвѣевичъ, когда вечеромъ взялся за перо, чтобъ писать Наташѣ. Описывая подробности своей однообразной жизни, онъ не упустилъ случая упомянуть о посѣщеніи Глафиры Егоровны, выставивъ ее въ смѣшномъ видѣ.

Наташа, въ свою очередь, дѣлилась своими впечатлѣніями и въ рѣдкомъ письмѣ не говорила, что она не скучаетъ и чувствуетъ, какъ ея здоровье постепенно восстанавливается.

Между тѣмъ, положеніе больной въ дѣйствительности не

только не улучшалось, а напротивъ, Наташа день-о-д-ня слабѣла. Лидія Сергѣевна, не вступавшая въ объясненіе съ докторомъ, посѣщавшимъ больную, захотѣла, наконецъ, узнать, въ какомъ дѣйствительно положеніи находится Наташа, и отправилась къ врачу на квартиру.

— Докторъ, вы молчите о томъ, чѣмъ больна моя дочь, но я не слѣпа и вижу, что ея положеніе серьезно. Не скрывайте отъ меня ничего. Я не такъ малодушна, чтобы приходить въ отчаяніе, и съ твердостью выслушаю ваше сужденіе, какъ бы оно ни было безотрадно.

— Ваша дочь для меня загадка. Вотъ почему я не рѣшалась и теперь не рѣшаюсь высказать что-нибудь опредѣленное. Серьезно у ней ничего не повреждено, но весь организмъ больной въ высшей степени расшатанъ. Причина же этому остается тайной. Съ лица моей пациентки никогда не сходитъ грустная улыбка. Стало-быть, ее что-то тревожитъ и лишаетъ покоя.

— Вы не разспрашивали ее?

— Это не всегда удобно, но намеки я дѣлалъ, и на нихъ не получилъ никакого отвѣта.

— А ея кашель... неужели и онъ не указываетъ на серьезное разстройство легкихъ или горла?

— Ни выслушивание, ни выстукиванье не указываетъ на какое-либо органическое поврежденіе. Такимъ образомъ, я хожу впотьмахъ. Если вы, какъ мать, можете повліять на вашу дочь и вызовете на откровенность, то можетъ-быть завѣса спадетъ съ чего-то, и мы получимъ возможность считаться съ причиной, а не съ ея послѣдствіями. При этомъ я совѣтую вамъ торопиться. Промедленіе въ подобныхъ случаяхъ часто оканчивается скоротечной чахоткой.

Слова доктора глубоко запали въ сердце Лидіи Сергѣевны. Оставшись одна, Томнова долго сидѣла въ раздумьи, соображая, какъ бережно дотронуться до раны, таившейся въ сердцѣ дочери.

Позвавъ къ себѣ Наташу, она со свойственной ей прямою, сразу приступила къ дѣлу.

— Я была у доктора, чтобъ узнать, чѣмъ ты страдаешь.

— Что же онъ вамъ сказалъ? — поднявши глаза на мать, негромко спросила Наташа.

— Онъ не находитъ никакой болѣзни, но думаетъ, что страдаетъ твоя душа.

Наташа сидѣла молча, опустивъ голову.

— Какъ я узнаю тебя въ этомъ молчаніи! У тебя не хватаетъ духа сказать неправду. Говори же все. Если тяготишься своимъ положеніемъ, то не сама ли ты говорила, что счастье дороже всего? А вѣдь ты счастлива. Что же заставляетъ тебя мучиться?

— Ахъ, мамаша, развѣ вы не знаете, что часто людямъ стыдно признаться въ томъ, что они чувствуютъ. Въ первые дни увлеченія, я, дѣйствительно, не сознавала того, что дѣлала, и успокаивала себя разными соображеніями. Но я скоро поняла, что обманывала себя. Не будь васъ и сестры, можетъ-быть, я не знала бы угрызений совѣсти. Но развѣ вы можете примириться съ тѣмъ, какъ я живу?

Лидія Сергѣевна поняла, что никакими убѣжденіями нельзя повліять на Наташу, и немедленно написала обо всемъ Сидонскому.

Евгений Матвѣевичъ, занятый службой, не переставалъ грустить, что обстоятельства не позволяютъ ему быть подлѣ страдающей Наташи. Однимъ утѣшеніемъ была для него надежда, что разлука не будетъ продолжительна.

Письмо Томновой, въ которомъ произнесено было слово «скоротечная чахотка», какъ громомъ поразило его. Не рѣшаясь еще разъ лично объясниться съ женой, онъ прибѣгъ къ помощи своего товарища Залыпина, которому и поручилъ переговорить съ Глафирой Егоровной.

Иванъ Ивановичъ, какъ обстоятельный человѣкъ и твердый въ правилахъ, всегда осуждалъ Сидонскаго за его легкомысленный поступокъ, но отказать товарищу и сослуживцу ему показалось невозможнымъ.

Отдохнувъ послѣ служебныхъ занятій, Залѣпинъ, не торопясь, одѣлся и отправился къ Сидонской.

Глафира Егоровна всегда относилась къ Залѣпину съ большей симпатіей, чѣмъ къ кому-нибудь, поэтому приходъ гостя обрадовалъ ее. Усадивъ пришедшаго въ кресло, она съ первыхъ словъ заговорила о своемъ положеніи.

— Вотъ нынче какъ! Живутъ, живутъ люди, да и врозь. Не слыхали ли чего-нибудь новенькаго про моего?

— По этому-то поводу я и пришелъ къ вамъ поговорить... онъ прислалъ.

— Ахъ, онъ прислалъ? Любопытно! Ну, тутъ добра не жду.

— Если вамъ неудобно... — началъ онъ, разставивъ руки: — то я воздержусь отъ всякихъ объясненій и передамъ ему, чтобъ онъ избралъ для переговоровъ кого-нибудь другого.

— Пришли, такъ говорите. Что ему нужно?

— Не трудно и самимъ догадаться. Опять о томъ же ведетъ рѣчь—о разводѣ.

Сидонская сдѣлала движеніе, Залѣпинъ остановилъ ее.

— Пожалуйста, не подумайте, что я держу его сторону, а просто неловко было отказать товарищу. Ни въ какихъ разсужденія я пускаться не буду, а выслушаю то, что вы скажете.

— Вѣдь ему объявлено. Чего жъ онъ еще хочетъ?

— Чтобъ вы согласились разойтись на какихъ-угодно условіяхъ.

Сидонская громко захохотала.

— Видно, плохо пришлось? За горло взяли? Вотъ и пусть онъ узнаетъ, каково другимъ. Передайте ему, что никакихъ условій я не приму и развода ему не дамъ.

Залѣпинъ, слушая это, ехидно улыбался и, когда Сидонская кончила, то, потирая руки, началъ таинственнымъ тономъ:

— Конечно, за всѣ огорченія, которые онъ вамъ доставилъ, вы вправѣ мстить ему. Но есть предѣлъ мести, за которымъ уже наступаетъ опасность для того, кто мститъ.

— Какая такая опасность? Я ничего не боюсь.

— Смѣлость—почтенное чувство, но дозвоьте вамъ изложить свои соображенія. По обязанности службы, присутствуя при уголовныхъ дѣлахъ, я не мало вынесъ поучительнаго. Не разъ мнѣ доводилось убѣждаться, до чего злоба доводитъ людей. Помню я, какъ одинъ мужъ, которому жена, такъ же вотъ, какъ и вы, не давала согласія на разводъ, забылъ всякія Божескія и человѣческія чувства и совершилъ надъ супругой жестокое насилие, то-есть, пустилъ въ благовѣрную двѣ пули. Конечно, такіе звѣрскіе поступки вызываютъ омерзение, но вѣдь это факты, съ которыми надо считаться.

— Развѣ и со мной онъ можетъ такъ поступить?

— Все возможно. Если-бъ вы видѣли лицо вашего мужа, когда онъ посылалъ меня сюда, то вы не были бы вполне убѣждены въ своей безопасности. Я его никогда такимъ не видалъ. Блѣдный, кусаетъ губы, дрожитъ... у-у! не хорошъ былъ.

— Но вѣдь не можетъ же онъ поднять на меня руки. У насъ дѣти.

— Что дѣти! Когда человѣкъ не въ себѣ, ему все ни по чемъ. На моей памяти въ судѣ такое было дѣло: дѣтей перерѣзали, жену ухлопали и съ собой прикончили. Все семейство и пропало, а говорили, хорошее было семейство.

— Вы меня пугаете. Я теперь такъ и буду ждать напасти.

— Ужъ это ваше дѣло.

— Господи, что я за несчастная! Съ первымъ мужемъ разошлась, а второй, мало того, что бросилъ, да еще на жизнь покушается. А за что,—спросите? Другія вѣтренничаютъ, а я ни разу ни тому, ни другому не измѣнила.

— Слышалъ я, что насчетъ характера вы не того. Отъ этого одна бѣда. У меня вонъ жена кроткая, за-

ботливая—мы и живемъ безъ горя. Чтѣ касается васъ, то мой совѣтъ—отойдите отъ грѣха. Бѣдой тутъ пахнетъ—уголовщиной.

Глафира Егоровна умолкла и какъ бы въ раздумьи проговорила:

— Что-жъ... если у него душегубство на умѣ, конечно, лучше уступить. Но съ чѣмъ же я останусь? Онъ, пожалуй, такъ урѣжетъ выдачу, что и существовать станетъ не на что.

— Вотъ тутъ я вамъ союзникъ. Не зѣвайте и оформите все нотаріальнымъ порядкомъ.

— Онъ предлагалъ мнѣ десять тысячъ единовременно и потомъ обязывался выдавать ежемесячно.

— Не знаю, гдѣ онъ теперь возьметъ эти десять тысячъ, у него ихъ нѣтъ: изъ жалованья будутъ вычитаться. Что-жъ прикажете мнѣ сказать ему?

— Что сказать? Пускай напишетъ свои условія и положить въ банкъ деньги, тогда я соглашусь не препятствовать процессу о разводѣ.

Послѣднюю фразу Глафира Егоровна проговорила какимъ-то сдавленнымъ голосомъ. Видно было, что слова «обстоятельнаго» человѣка глубоко запали въ ея сердце, и она спасовала передъ угрозой. До тѣхъ поръ ей не приходило въ голову, что ихъ распрія можетъ окончиться катастрофой, но примѣры, приведенные Иваномъ Ивановичемъ, показались ей убѣдительными. Одно безпокоило ее, что придется измѣнить образъ жизни, и жить болѣе чѣмъ скромно. Она не удержалась и высказала это гостю.

— Какъ же я буду существовать, если стану получать въ мѣсяцъ менѣе ста рублей?

— Объ этомъ нужно было думать раньше. Но живутъ и на меньшее. По одежкѣ протягивай ножки.

Окончивъ свою миссію, Залѣпинъ общалъ Сидонской передать весь ихъ разговоръ мужу и посовѣтовать ему съ участіемъ отнестись къ своей семьѣ.

Извѣстіе, сообщенное Иваномъ Ивановичемъ, хотя и обрадовало Евгенія Матвѣевича, но вмѣстѣ съ тѣмъ и раздражило. У него не только не было десяти тысячъ, требуемыхъ женой, но онъ занималъ, чтобы выдавать семейству и посылать Наташѣ.

Къ непріятной вознѣ съ супругой прибавлялись неутѣшительныя письма отъ Томновой. Въ каждомъ письмѣ она энергично требовала отъ Евгенія Матвѣевича рѣшительныхъ дѣйствій, такъ какъ состояніе здоровья Наташи замѣтно ухудшалось. Читая эти строки, Сидонскій выходилъ изъ себя. Его бѣсила излишняя щепетильность и чувствительность любимой женщины.

«Тутъ не до нѣжностей, когда приходится биться одному противъ всѣхъ. Кто за меня? Никто. И не съ кѣмъ-то по душѣ сказать о томъ, какъ я страдаю».

Не находя выхода изъ своего положенія, Сидонскій, придя однажды въ судъ, вдругъ узналъ, что въ его участкѣ скоропостижно умеръ извѣстный богатъ Басунинъ, отличавшійся странностями и державшій при себѣ большія деньги.

Пригласивъ лицъ, присутствующихъ при описи, Евгений Матвѣевичъ отправился исполнить свою обязанность. Чтобы не держать при себѣ найденныхъ денегъ, а сдать ихъ въ тотъ же день въ окружной судъ, или казначейство, приставъ прежде всего приступилъ къ осмотру несораспамаго шкапа, гдѣ хранились деньги и документы.

Такъ какъ умершій былъ одинокъ и не оставилъ послѣ себя духовнаго завѣщанія и не назначилъ никого душеприказчикомъ, то при Сидонскомъ находились только оцѣнщики и понятые. Открывъ врученнымъ ему ключомъ желѣзную доску, Евгений Матвѣевичъ увидѣлъ груды банковыхъ билетовъ и пачки серій; кромѣ того, завернутыми въ бумагу лежали векселя. Наскоро перелиставъ ихъ, Евгений Матвѣевичъ увидѣлъ одинъ, цѣнностью на тридцать тысячъ, съ надписью «безъ оборота на меня». Началась отмѣтка билетовъ и другихъ денежныхъ знаковъ. Это заняло много времени. Понятые и оцѣнщики утомились и проголодались. Такъ какъ это былъ народъ

небогатый, то приставъ, чтобъ подкрѣпить ихъ, потребовалъ у экономки вина, водки и закуски. Угощеніе произвело на нихъ самое благоприятное впечатлѣніе. Всѣ развалились на стулья, кресла и самымъ благодушнымъ образомъ относились къ тому, что происходило при нихъ.

Никогда еще Сидонскій съ такой жадностью не смотрѣлъ на деньги, какъ въ эту минуту, и не радовался тѣмъ процентамъ, которые онъ получитъ за опись. Но онъ понималъ, что причитаемой суммой онъ не въ состояніи будетъ покрыть и половины предстоящихъ расходовъ. Страстное желаніе выбиться изъ сѣтей, опутавшихъ его, и ухвату къ Наташѣ, до того разжигали все его существо, что отуманили разсудокъ. Были моменты, когда онъ хотѣлъ незамѣтно спрятать въ карманъ одну изъ пачекъ серій, но то, что находилось въ ней, по его мнѣнію, не стоило риска, и все его вниманіе было обращено на вексель въ тридцать тысячъ съ надписью «безъ оборота на меня». Тѣмъ болѣе, что, копаясь въ документахъ и вынимая ихъ, легко было незамѣтно свернуть завитый документъ въ трубочку и спрятать его въ рукавъ.

Придумывая, какъ бы ловчѣе сдѣлать это, Евгенийъ Матвѣвичъ не походилъ на себя. Онъ суетился, обращая то къ одному, то къ другому съ шутливыми фразами, стараясь направить ихъ вниманіе въ другую сторону. Лицо Сидонскаго было блѣдно, руки дрожали, и во всѣхъ движеніяхъ замѣчалось волненіе.

«Боже мой! На что иду? — думалъ онъ. — Я ли это, кому недавно еще такъ безгранично вѣрили?»

Но такіа разсужденія скоро смѣнились другими.

«А она, моя милая, дорогая Наташа... Что съ ней будетъ, если продлится еще та пытка, которую она испытываетъ. Довольно малодушія! Будь, что будетъ, а я долженъ спасти ее».

Послѣ нѣсколькихъ веселыхъ, остроумныхъ фразъ, вызвавшихъ смѣхъ у присутствующихъ, Сидонскій направился къ шкапу и ловко сдѣлалъ то, что ему было нужно. Затѣмъ, закашлявшись, отошелъ къ песочницѣ и тамъ переложилъ вексель въ карманъ.

Какое-то странное чувство ощутилъ Евгенийъ Матвѣвичъ, совершая первое преступленіе. Онъ радовался, какъ ребенокъ, что его маневръ удался, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему стало стыдно себя...

Опись шла своимъ чередомъ. Когда документы были переписаны и подъ бумагой подписались присутствующіе, Евгенийъ Матвѣвичъ, уложивъ все въ сакъ, отвезъ въ присутственное мѣсто для храненія.

VI.

Совершенное Сидонскимъ было такъ ловко сдѣлано, что никому не могла придти въ голову мысль о похищеніи. Оставалось воспользоваться плодами преступленія и за украденный вексель получить деньги. Но какъ это сдѣлать? Явись Сидонскій, какъ приставъ, производившій опись, съ предложеніемъ купить вексель, на него пало бы подозрѣніе, что документъ вынутъ изъ бумагъ умершаго. Надо было придумать что-нибудь другое, и Евгенийъ Матвѣвичъ напалъ на хорошую мысль.

Какъ извѣстно, въ каждомъ крупномъ городѣ есть дѣльцы, наживающіе темными дѣлами большія деньги. Къ такому-то господину и направился Сидонскій.

Илья Ѳомичъ Пшеновъ, высокій, видный мужчина, съ окладистой бородой; давно зналъ Евгения Матвѣвича и относился къ нему, какъ къ дѣльному человѣку, съ особеннымъ почтеніемъ. Поэтому, увидя вошедшаго, онъ выразилъ удовольствіе.

— А, милѣйшій, пожалуйста, пожалуйста! Вы страшны тѣмъ, на кого замахиваетесь молоточкомъ, а мы рады вамъ. Чѣмъ могу служить?

Евгений Матвѣвичъ переминался и, сконфуженно пожимая руку хозяина, робко проговорилъ:

— Я хотѣлъ бы... секретно побесѣдовать съ вами...

Пшеновъ окинулъ его самодовольнымъ взглядомъ и, потирая руки, проговорилъ:

— Секретно, такъ секретно. Мы къ этому привычны. Пожалуйста.

Илья Ѳомичъ сдѣлалъ движеніе рукой и, пропустивъ гостя въ сосѣднюю комнату, заперъ за собой дверь.

— Ну-съ, рассказывайте, какія-такія у васъ до меня дѣла?

— Я знаю, что васъ провести и очковъ втереть вамъ невозможно...

— Да-съ, опытно.

— Поэтому я считаю лучшимъ вести съ вами все на чистоту.

Сидонскій началъ съ того, что кратко рассказалъ о томъ, какимъ путемъ достался ему имѣющійся у него вексель.

Пшеновъ внимательно выслушалъ и призадумался.

— Сдѣлано чисто. Вексель въ опись не попалъ, на бланкѣ надпись передаточная... чего еще надо? Только сойдемся ли въ дѣлежъ?

— Да что, Илья Ѳомичъ, берите третью долю.

— А не маловато ли будетъ?

— Ей-Богу, отдалъ бы больше, но вѣрьте честному слову, только двадцать тысячъ и могутъ спасти меня.

При этихъ словахъ у Сидонскаго выступили на глазахъ слезы, и онъ отеръ ихъ платкомъ.

— Хотя я и не очень жалостливъ, а васъ, такъ и быть, уважаю. Потому, какъ-то и вы мнѣ нечаянно услужили.

— Чѣмъ же?

— Помните, Епидорова по моей претензіи описывали? Такъ вотъ тогда вы сдѣлали по моему, я и не забылъ. Только вотъ что. Я сначала поводаюсь съ Жиркинымъ и скажу, что есть, молъ, у меня его вексель. Что онъ на это отвѣтитъ? Если заминки не будетъ и мы кончимъ по хорошему, тогда куплю у васъ бланкъ.

— Выручайте, Илья Ѳомичъ, никогда вамъ этого не забуду.

— Да я, батюшка, хлопотать буду не для васъ, а лестно десять тысячъ ни за что получить.

Хотя результатъ объясненія и носилъ на себѣ благоприятный характеръ, но Сидонскій боялся вѣрить своему счастью и, глубоко вздохнувши, отправился къ себѣ.

(Продолженіе будетъ.)

За что?

Стихотвореніе Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.

Я васъ люблю за все: люблю за хрупкость стана,
За выраженіе глазъ, за блѣдность нѣжныхъ щекъ...
Люблю за то, что въ васъ—все тайна, все намекъ,
Все дышитъ сказкою разсвѣтнаго тумана;
Я васъ люблю за то, что вы, подобно мнѣ,
Витаєте подчасъ въ надзвѣздной сторонѣ.
Что упиваетесь цвѣтовъ вы ароматомъ,
И трепетно мечтаете способны надъ закатомъ...
Что звуки музыки въ насъ будятъ ту-же грусть,
Одни и тѣ-же стихи мы помнимъ наизусть;

Я васъ люблю за все—за страстные сужденія,
За утонченный умъ, ловящій на лету
И слово каждое, и каждую мечту;
За сердце, что въ любви не знаетъ охлажденія,
Я васъ люблю за то, что цѣли бытія
Познали глубже вы и поняли, чѣмъ я;
Что струны радости и страсти, и печали
Для васъ прекраснѣе, для васъ полнѣй звучали,
За то, что тайну жизнь открыла вамъ свою,
Я васъ люблю за то, что я хоть такъ люблю.

Къ рисункамъ.

Тьерри Эльзасскій, графъ Фландрскій, по смерти своего родственника Карла I, Фландрскаго (1127 г.), явился претендентомъ на его владѣнія; увидя, что ему предпочитаютъ Вильгельма Клитона, по прозванію Нормандца, Тьерри началъ съ нимъ войну; Клитонъ во время этой войны скончался, а Тьерри былъ провозглашенъ графомъ Фландрскимъ, въ 1128 г. Онъ совершилъ, вельдъ за тѣмъ, нѣсколько паломничествъ въ Палестину, много заботился о благосостояніи своихъ подданныхъ, о правосудіи въ странѣ, которой правилъ, и организовалъ нѣсколько религиозныхъ учреждений.

Въ гор. Брюгге (Bruges) построена была имъ въ 1150 г. «часовня Святой Крови» (la chapelle du Saint-Sang); постройка эта была вызвана тѣмъ, что Тьерри желалъ помѣстить въ ней драгоценный ковчегъ съ нѣсколькими каплями заключенной въ немъ крови Христовой; этотъ рѣдкій даръ былъ поднесенъ ему патриархомъ іерусалимскимъ, въ одно изъ палестинскихъ странствій графа Фландрскаго. Въ хроникѣ Брюгге, существовала легенда, будто каждую пятницу изъ ковчежа вытекала кровь на удивленіе богомольцевъ, стекавшихся массами въ часовню; но чудо это внезапно прекратилось въ 1310 г. Таково преданіе этой старинной церкви. Самъ Тьерри Эльзасскій скончался въ 1168 г., въ Гравелинѣ восемнадцать лѣтъ спустя, послѣ построенія храма. Церковь Святой Крови была реставрирована въ теченіе 1826—1839 гг. Ковчегъ, въ которомъ находится Кровь Спасителя,—замѣчательное ювелирное произведение искусства, работы Жана Краббе, брюггскаго бургомистра. Картина художника А. де-Вринда изображаетъ торжественный моментъ водворенія Священной Крови въ только что отстроенномъ благочестивымъ графомъ храмѣ.

Кому неизвѣстно, какъ трудно не выдать секрета? Даже взрослому и часто молчаливому, мало экспансивному, человѣку одолѣваетъ, въ такихъ случаяхъ, удивительная болтливость. Кажется, одни только дипломаты умѣютъ тщательно хранить свои секреты, которые, большею частью, ничто иное, какъ секретъ полишинеля. Еще Талейранъ говорилъ, что языкъ намъ данъ для того, чтобы скрывать свои мысли. Еще труднѣе, чѣмъ дипломату, хранить тайну маленькой болтливой дѣвочки. Ей такъ и хочется разболтать кому нибудь рассказанный ей братомъ секретъ. Тайна душисть ее, не дать ей покоя; и хочется подѣлиться съ кѣмъ нибудь, и страшно выдать чужой секретъ, да и некому! И вдругъ—идея! Она сообщитъ этотъ важный секретъ дворовому барбосу, съ которымъ давно находится въ самой тѣсной дружбѣ. Барбосъ—надежный другъ: и выслушаетъ спокойно и дѣловито, и даже мотнетъ головой съ хорошими, умными глазами, въ знакъ того, что понялъ ее, и ужъ, конечно, никому не выдастъ сообщенной ему тайны. А ей будетъ все-таки легче: хоть кому нибудь она да скажетъ то, что ее такъ мучаетъ...

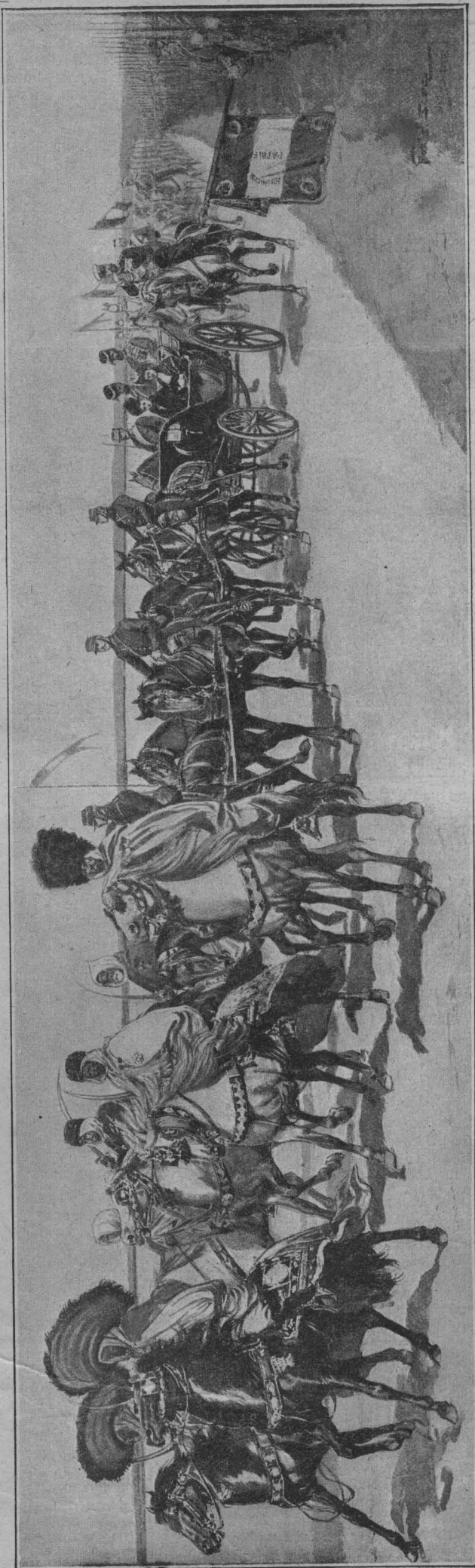
Представьте себѣ положеніе уставшаго «пѣшаго путешественника», который сдѣлалъ нѣсколько верстъ по пыльной или грязной дорогѣ и жаждетъ отдыха. Онъ подходитъ къ придорожному столбу, чтобы узнать, куда лежитъ его путь, а надпись на доскѣ выжжена солнцемъ или смыта дождемъ: положеніе почти трагическое! Ремонтъ этихъ указателей лежитъ на обязанности деревенскаго маляра. Одно изъ такихъ мѣстныхъ художниковъ изобразилъ намъ И. И. Ижакевичъ на своей жанровой картинкѣ. Маляръ очень озабоченъ работой, которой ему хочется шегольнуть, и сосредоточенно выводитъ на столбовой доскѣ буквы, стараясь ихъ ставить прямо, чтобы онѣ не имѣли вида расшатанной изгороди, а маленький, будущій деревенскій художникъ съ любопытствомъ разсматриваетъ котелокъ съ красками, мечтая, быть можетъ, о томъ времени, когда и ему придется производить этотъ важный ремонтъ придорожныхъ столбовъ.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ за границую.

(Рис. на стр. 617 и 618).

Въ настоящемъ номерѣ мы помѣщаемъ два интересныхъ рисунка, иллюстрирующихъ величественную картину маневровъ въ Френуа и Витри и Высочайшаго смотра въ Бетени. Какъ уже подробно было описано въ предыдущихъ номерахъ *Нивы*, маневры закончились блестящей атакой. Войска ринулись на штурмъ, взобрались на укрѣпленія форта и, пробившись чрезъ колючую изгородь, взяли фортъ приступомъ. Этотъ заключительный моментъ и изображенъ на нашемъ рисункѣ. Здѣсь французская армія блеснула предъ Августѣйшими Гостями своей боевой готовностью.

Черезъ два дня, у Бетени, на мѣстѣ маневровъ происходилъ грандіозный военный парадъ. Здѣсь на смотрѣ представились обѣ маневрировавшія арміи, состоявшія каждая изъ двухъ корпусовъ,—уже въ парадномъ видѣ. По линіи желѣзной дороги, проходящей вблизи, устроены были Императорская станція и возлѣ—шатеръ для завтрака. Передъ огромнымъ полемъ съ одной стороны тянулся длинный рядъ трибунъ, въ центрѣ котораго—богата разукрашенная трибуна для Ихъ Величествъ и президента республики. Съ другихъ трехъ сторонъ стояли войска. Къ 9 часамъ утра всѣ трибуны, украшенные флагами, наполнились зрителями. Въ моментъ выхода Ихъ Величествъ изъ вагона, въ 10 час. утра, грянулъ салютъ въ сто одинъ выстрѣлъ.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ за границую. Высочайшіи смотрѣ французской арміи, участвовавшей въ маневрахъ, въ Бетени. Ихъ Императорскія Величества, въ предшествіи конвою изъ наголовъ Алжира и шейховъ Туниса, изволятъ объѣзжать французскія войска. По рис. Ф. Скоттъ арт. «Нивы».

Передь станціей стоялъ конвой изъ пашовъ Алжира и шейховъ Туниса, въ бѣлыхъ бурнусѣхъ, на чудныхъ арабскихъ коняхъ, покрытыхъ драгоценными чепраками; за ними кирасиры въ блестящихъ каскахъ и кирасахъ. Къ станціи, гдѣ устроенъ шатеръ и насажены кругомъ цвѣты и цѣлыя деревья, подали экипажи. Государь сѣлъ на вороного коня. Поѣздъ двинулся къ войскамъ. На полѣ главнокомандующій генералъ Брюжеръ отдалъ честь Его Величеству и сопровождалъ Государя. Два ландо, запряженные четверкой лошадей цугомъ, ѣхали рядомъ. Въ первомъ ландо сѣдѣла Государыня со статсъ-дамой Нарышкиной, въ другомъ — президентъ республики съ военнымъ министромъ генераломъ Андрѣ. Государь ѣхалъ верхомъ почти рядомъ съ экипажемъ Государыни. Верховъ слѣдовали министры Императорскаго Двора генерал-адъютантъ баронъ Фредериксъ, флигель-адъютантъ полковникъ князь Енгальчевъ, начальник генеральнаго штаба генералъ Сахаровъ. На запяткахъ экипажа Государыни въ своихъ эффектныхъ мундирахъ помѣщались камеръ-казакъ Государыни и урядникъ Государя. Блестящая полоса кирасировъ съ высокими палаши въ рукахъ слѣдовала позади.

Кортежъ проѣхалъ по наружнымъ линіямъ войскъ. Били барабаны, звучали горны, играла музыка. Разносились по полю звуки русскаго гимна. Кортежъ, послѣ объѣзда, подѣхалъ къ трибунамъ. Передь Царскою трибуною стояла почетная стража изъ отряда 350 зуавовъ, въ ихъ красныхъ фескахъ, и роты отъ колоніальныхъ войскъ и артиллеріи, вернувшихся изъ Китая. Въ числѣ этихъ людей съ полей битвъ, украшенныхъ медалями за китайскій походъ, находились и кавалеры русскаго солдатскаго Георгія. Государь прослѣдовалъ по фронту ихъ, при оваціяхъ публики. Двѣ дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ поднесли Государынѣ, когда Она входила въ трибуну, букетъ цвѣтовъ отъ генеральнаго совѣта департамента Марны, другой букетъ былъ поданъ имъ г-жѣ Лубѣ. Главнокомандующій генералъ Брюжеръ, отдавъ честь Государю, сошелъ съ коня и вошелъ въ трибуну. Два офицера внесли за нимъ и поднесли Государынѣ громадную корзину цвѣтовъ отъ представляющихся армій. Въ публикѣ все время клики: «Vive la Tsarine», «Vive la Russie», «Vive l'Empereur».

Въ Царской трибунѣ сѣдѣли въ рядъ: въ серединѣ Государь, справа Государыня, президентъ республики, статсъ-дама Нарышкина, г. Фальеръ, слѣва отъ Государя — г-жа Лубѣ, г. Дешанель. Когда проходили войска, всѣ знамена пѣхоты склонились передь Государемъ. Государь поднимался со своего мѣста и отдавалъ честь знаменамъ, и всѣ въ трибунахъ вставали. Эффектной картиною масовой кавалерійской атаки закончился грандіозный смотръ.

Рудольфъ Вирховъ.

(Портр. на стр. 619.)

Весь медицинскій міръ торжественно празднуетъ 30-е сентября т. г. — день рожденія Вирхова. Это свѣтлое имя извѣстно — или во всякомъ случаѣ должно быть извѣстно — каждому. Родившійся 80 лѣтъ тому назадъ въ Помераніи (въ Шифельбейнѣ), Вирховъ по происхожденію принадлежитъ Германіи, но его широкая ученая и общественная дѣятельность давно уже перешагнула границы его родины, и болѣе полувѣка его имя представляетъ гордость всего культурнаго міра.

Весь медицинскій міръ, въ лицѣ своихъ выдающихся представителей съѣхавшихся въ Берлинъ на празднованіе 80-лѣтія дня его рожденія, чувствуетъ въ лицѣ Рудольфа Вирхова не только первокласснаго ученаго и глубокаго исследователя явлений природы, но и замѣчательнаго человѣка. Необычайная разносторонность знаній, необыкновенно тонкій, аналитическій умъ еще въ молодые годы выдвинули Вирхова изъ общаго уровня и сдѣлали имя его извѣстнымъ далеко за предѣлами его отечества. Не только въ области науки, но и въ вопросахъ общественной, государственной и политической жизни Германіи

имѣло и имѣетъ большое значеніе. Дѣятельность его сказалась не только въ области патологической анатоміи, гдѣ онъ сдѣлалъ цѣлый переворотъ своимъ ученіемъ о клеткѣ, но и въ области общаго здравоохраненія, въ вопросахъ медицинскаго преподаванія, медицинской статистики, общаго призрѣнія и т. д.

Въ началѣ своей медицинской дѣятельности, сперва прозекторъ въ Шаритѣ, а потомъ знаменитый профессоръ патологической анатоміи въ Вюрцбургѣ и Берлинѣ, публицистъ и общественный дѣя-

Къ пребыванію Ихъ Императорскихъ Величествъ за границей. Заключительный моментъ большихъ маневровъ французской арміи у форта Витри. По рис. Ф. Скотъ, авт. «Нивы».

тель, Вирховъ, подобно Гельмгольцу, является представителемъ единства и цѣльности естествознанія. Въ сороковыхъ годахъ истекшаго столѣтія, въ Вюрцбургѣ появилась новая сила въ лицѣ Вирхова. Врагъ догматической медицины, преслѣдуя одну только правду въ наукѣ, Вирховъ явился во всеоружіи глубокаго всесторонняго знанія. Въ 1856 году, Вирховъ училъ своихъ слушателей «микроскопически мыслить», «микроскопически видѣть» и, такимъ образомъ, свободно читать въ книгѣ природы. Слушатели его лекцій, находясь подъ вліяніемъ совершенно новыхъ, до того неизвѣстныхъ научныхъ истинъ, не переставали заявлять, что, при изслѣдованіи Вирховымъ трупъ, передъ ихъ изумленными глазами создавалось живое изображеніе страданій человѣка. Въ Берлинѣ, куда Вирховъ былъ приглашенъ на кафедру патологической анатоміи, онъ вскорѣ основалъ школу, получившую всемірную извѣстность.

Въ 1847 г. Вирховъ получилъ командировку въ Верхнюю Силезію, гдѣ свирѣпствовала эпидемія голоднаго тифа. Командировка эта послужила ему основаніемъ къ важнымъ научнымъ выводамъ относительно патологіи заразныхъ болѣзней, и вмѣстѣ съ тѣмъ ознаменовалась, впоследствии, цѣлымъ рядомъ важныхъ административныхъ мѣръ.

Прибывъ на мѣсто командировки, для принятія мѣръ, Вирховъ не ограничился предѣлами, предусмотрѣнными медицинскою полиціею. Онъ избралъ новый путь, новое оружіе для борьбы съ подобнаго рода общественными бѣдствіями. Для предупрежденія ихъ, онъ предложилъ вмѣсто употребленія хинина, хлорной воды, соляной кислоты и друг. лѣкарствъ, предпринять нѣкоторыя общественныя мѣропріятія, позаботиться объ улучшеніи экономическаго быта населенія и ввести общинное устройство. Эта командировка выдвинула Вирхова, какъ гигиениста.

Доказывая въ своихъ отчетахъ, что причины бѣдствій и эпидемій заключаются въ невѣжествѣ народныхъ массъ, онъ ратовалъ за народное образованіе и народное благосостояніе. Изслѣдуя вопросъ всесторонне, Вирховъ не только описываетъ свирѣпствовавшій въ Силезіи тифъ, но даетъ топографическое, геологическое и этнографическое описаніе мѣстности, сообщаетъ данныя о нравственномъ развитіи населенія, о величинѣ земельныхъ участковъ поселянъ, объ ихъ жилищахъ, о характерѣ ихъ питанія, о матеріальныхъ достаткахъ и недостаткахъ. При такомъ широкомъ взглядѣ на задачи общественной гигиены, Вирховъ является не только замѣчательно дальновиднымъ врачомъ-гигиенистомъ, но и выдающимся государственнымъ дѣятелемъ.

Замѣчательна учено-публицистическая дѣятельность Вирхова. Такъ, онъ писалъ: о лазаретахъ, родильныхъ домахъ, о дезинфекціи городовъ, о зависимости тифозныхъ заболѣваній отъ уровня почвенныхъ водъ, объ этиологіи тифа и канализаціи городовъ, о вліяніи подвальныхъ помѣщеній на здоровье, о предупрежденіи трихинной болѣзни, о патологической анатоміи и судебной медицинѣ и друг. Его перу принадлежатъ: «Правила и указанія судебнымъ врачамъ при судебно-медицинскихъ вскрытіяхъ труповъ», а также нѣкоторыя выдающіяся и важныя, въ судебно-медицинскомъ отношеніи, экспертизы. Подъ его редакціей въ 1854 году вышло въ свѣтъ извѣстное руководство: «Частная паталогія и терапія»; въ одномъ изъ томовъ этого солиднаго труда помѣщенъ обширный трактатъ Вирхова: «О заразныхъ болѣзняхъ на животныхъ»; въ 1876—1877 годахъ, вышло сообщеніе по ветеринаріи, сдѣланное имъ на международномъ гигиеническомъ сѣздѣ въ Брюсселѣ, — «О предохраненіи отъ эпизоотіи».

Выдающаяся сторона характера и научной дѣятельности Вирхова состоитъ въ томъ, что онъ всегда оставался вѣренъ своей доктринѣ, своему призванію, какъ врачъ. Онъ самъ учился медицинѣ съ исторической точки зрѣнія, философски, и такой-же способъ изученія рекомендовалъ другимъ.

Не менѣе извѣстны его работы по антропологіи и изслѣдованію доисторическихъ временъ. Его изслѣдованія разваливъ Трои, предпринятія вмѣстѣ съ знаменитымъ Шлиманомъ, создали ему большую извѣстность.

Но главное, міровое значеніе Вирхова, — именно какъ врача, профессора.

Школа, созданная Вирховымъ, очень велика. Въ этомъ отношеніи можно смѣло сказать, что послѣ нѣмцевъ, русскіе занимаютъ въ ней первое мѣсто: имъ принадлежитъ наибольшее, послѣ нѣмцевъ, число работъ въ «Архивѣ» Вирхова. Уже въ XI т. этого архива Пеликанъ помѣстилъ свое изслѣдованіе «о физиологическомъ и токсическомъ дѣйствіи кураре». За работою Пеликана послѣдовали работы Сѣченова, Боткина, Захарьина, Щелкова, Овсяникова, Ковалевскаго, Раухфуса, Виноградова, Покровскаго, Полотебнова, Кошлякова, Руднева, Бурцева, Крылова, Славянскаго, Лашкевича, Успенскаго, Валя, А. Данилевскаго, Клейна, Лема, Равича, Вальтера, Хржонцевскаго, Гиришмана, Афанасьева, Грубе и другихъ.

Вирховъ очень часто посѣщалъ Россію и всегда встрѣчалъ въ нашемъ научномъ и официальномъ мірѣ самый радушный, даже восторженный пріемъ. Его послѣдній недавній пріѣздъ на международный медицинскій сѣздъ въ Москву, а затѣмъ и въ Петербургъ былъ ему сплошнымъ триумфомъ. И такимъ же блестящимъ триумфомъ великаго ученаго будетъ

чествованіе его въ знаменательный день его 80-лѣтней годовщины. Всѣ, кому дороги успѣхи знанія, единодушно приветствуютъ великаго ученаго и шлютъ ему пожеланія еще много разъ праздновать этотъ радостный для науки день.

Высокопреосвященный Ионаанъ.

(Портр. на стр. 620).

Въ сентябрѣ т. г. исполнилось 35-лѣтіе архіерейскаго служенія высокопреосвященнаго Ионаана, архіепископа ярославскаго и ростовскаго, — старѣйшаго изъ іерарховъ православной церкви, много потрудившагося на пользу устройенія храмовъ во вѣрноподчиненной ему ярославской епархіи; въ этой епархіи онъ святителствуетъ уже почти четверть вѣка и успѣлъ пріобрѣсти въ ней большой авторитетъ, любовь и уваженіе паствы и вѣрннаго ему духовенства.

Высокопреосвященный Ионаанъ, въ мірѣ Иванъ Наумовичъ Рудневъ, — сынъ священника, уроженецъ орловской губ. Родился онъ въ 1818 г. и получилъ образованіе въ орловской семинаріи и кievской духовной академіи, курсъ которой и окончилъ въ 1843 году со степенью кандидата богословія; въ томъ же году поступилъ учителемъ бѣлгородскаго, потомъ курскаго духовныхъ училищъ. Въ 1845 году онъ былъ назначенъ въ орловскую духовную семинарію, профессоромъ по классу гражданской исторіи. Въ 1853 году онъ принялъ иночество и былъ рукоположенъ въ санъ іеромонаха, а черезъ два года назначенъ инспекторомъ орловской семинаріи; въ 1856 году возведенъ въ санъ архимандрита, назначенъ ректоромъ вологодской семинаріи и настоятелемъ Спасо-Прилуцкаго монастыря. Десять лѣтъ спустя былъ хиротонисанъ во епископа кинешемскаго—викарія костромской епархіи. Въ 1869 году назначенъ епископомъ олонекимъ, а въ 1877 году переведенъ на кафедру ярославско-ростовскую. Въ архіепископскомъ санѣ пребываетъ съ 1883 года. Высокопреосвященный Ионаанъ имѣетъ орденъ св. Александра Невскаго и брилліантовый крестъ на клобукѣ. Крестъ этотъ пожалованъ ему въ 1894 году, при знаменательномъ Высочайшемъ рескриптѣ, въ которомъ, между прочимъ, упоминается о постоянной заботливости высокопреосвященнаго о церковно-приходскихъ школахъ и отличной постановкѣ учебнаго дѣла въ епархіи. Особеннаго вниманія заслуживаетъ открытое владыкой обще-епархіальное церковное братство во имя Святителя Димитрія Ростовскаго, въ 1883 г., и епархіальный миссіонерскій комитетъ. Оба эти учрежденія, благодаря ему, располагаютъ уже въ настоящее время солидными капиталами для поддержанія своихъ цѣлей — развитія церковно-приходскихъ школъ и борьбы съ раскольниками и сектантами. Много добра сдѣлалъ владыка и для духовно-учебныхъ заведеній. Его заботами сооружены новыя каменные зданія въ трехъ духовныхъ училищахъ: ростовскомъ, пошехонскомъ и угличскомъ, открыто ярославское епархіальное училище для дѣвицъ духовнаго званія и вдвое расширено помѣщеніе мѣстной духовной семинаріи.

Рудольфъ Вирховъ. По поводу 80-лѣтія дня рожденія. По фот. грав. Бонгъ.

Для осуществления таких капитальных замыслов преосвященный Ионаанъ вносилъ собственные средства и обращался къ духовенству съ многократными воззваниями. Духовенство усердно откликалось на призывы своего архипастыря, и теперь пожинаетъ плоды своего усердія.

Въ текущемъ году высокопреосвященный Ионаанъ сдѣлалъ крупное пожертвование въ Суворовскій капиталъ на увѣковѣченіе памяти великаго полководца. Кроме того, владыка ежегодно дѣлаетъ пожертвования въ мѣстную архивную комиссію, и на его средства издаю нѣсколько брошюръ, историческаго и духовно-нравственнаго содержания, для бесплатной раздачи народу.

В. О. Пѣвницкій.

(Портр. на этой стр.).

29-го сентября кievская духовная академія и многочисленные ея воспитанники, разсѣянные по всей Россіи, чувствуютъ заслуженнаго профессора, доктора богословія В. О. Пѣвницкаго, по поводу исполняющагося 50-лѣтія его литературной и научно-педагогической дѣятельности.

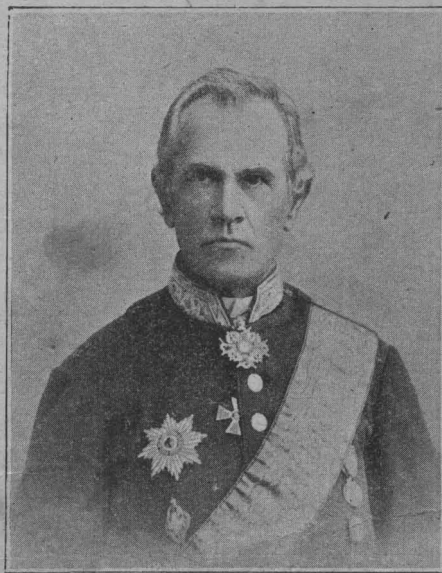
Василій Оеодоровичъ Пѣвницкій родился въ Кіевѣ, въ 1831 году, и получилъ первоначальное и среднее образование въ кievской семинаріи, а высшее богословское въ кievской академіи; по окончаніи курса въ послѣдней, по первому разряду, и началась его дѣятельность въ томъ же учебномъ заведеніи въ должности преподавателя, по кафедрѣ общей словесности. Въ 1856 году ему предложена была должность помощника инспектора, отъ которой онъ вскорѣ отказался; черезъ 4 года онъ былъ назначенъ экстра-ординарнымъ профессоромъ и съ тѣхъ поръ почти ежегодно назначался временно исполнять должность помощника инспектора, въ виду того, что пользовался среди учащихся особой любовью и необыкновеннымъ авторитетомъ. Въ 1860 году, по опредѣленію Св. Синода, за отличную усердную службу и ученые труды, онъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора, по кафедрѣ церковной словесности и тогда же ему преподано первое благословеніе Синода за заботливость о воспитаніи студентовъ и за удержаніе ихъ своимъ нравственнымъ авторитетомъ въ границахъ надлежащаго повиновенія, несмотря на всеобщее броженіе умовъ, бывшее въ 1853—1859 гг. въ Кіевѣ.

Рѣдко кто изъ профессоровъ пользовался такимъ довѣріемъ и любовью 46-ти поколѣній воспитанниковъ кievской духовной академіи, какъ В. О. Пѣвницкій, который имѣлъ большое влияние на складъ ума и души своихъ слушателей. Кроме кафедръ общей словесности, В. О. преподавалъ еще нѣмецкій языкъ. По избранію совѣта академіи онъ былъ утвержденъ въ 1869 году помощникомъ ректора академіи по церковно-практическому отдѣленію, а въ 1872 году ему дана степень магистра богословія.

Литературная дѣятельность В. О. Пѣвницкаго началась въ 1861 году, когда въ журналѣ «Труды Кievской Академіи» начали появляться его работы по богословскимъ вопросамъ. Изъ главнѣйшихъ его трудовъ многіе выдержали по нѣскольку изданій: таковы напр., «Святый Ипполитъ, епископъ римскій и дошедшіе до насъ памятники его проповѣдничества», «Святый Григорій Двоесловъ» — докторская диссертация, «Средневѣковыя Гомилетики» и пр. Въ синодскомъ журналѣ «Церковныя Вѣдомости» издавна уже помѣщаются проповѣди В. О., который произноситъ ихъ великимъ постомъ въ академической конгрегационной церкви, которая, какъ извѣстно, имѣетъ рѣдкую привилегію допускать къ проповѣди свѣтскихъ профессоровъ. Среди многочисленныхъ учениковъ юбиляра-профессора было много іерарховъ, изъ коихъ нынѣ здравствуетъ около 30 святителей, изъ которыхъ 4 митрополита: московскій — Владимиръ, сербскій — Инокентій, черногорскій — Митрофанъ, румынскій — Меодій; архіепископы: варшавскій — Иеронимъ, казанскій — Арсеній. Покойный митрополитъ болгарскій — Климентъ былъ также его ученикомъ.

Высокопреосвященный Ионаанъ, архіепископъ ярославскій и ростовскій. По поводу 35-лѣтія служенія въ архіерейскомъ санѣ. По фот. Здобнова, авт. «Нивы».

В. О. Пѣвницкій. По поводу 50-лѣтія учено-педагогической и литературной дѣятельности. По фот. Здобнова, авт. «Нивы».

Политическое обозрѣніе.

Одинъ изъ отголосковъ недавняго данцигскаго свиданія послышался на нашей западной границѣ, въ погорѣшемъ посадѣ Выштынецѣ, сувалкской губерніи. Августѣйшій владѣлецъ со-

сѣдняго прусскаго имѣнія, императоръ германскій Вильгельмъ II посѣтилъ 10-го сентября посадъ Выштынецъ и, собравъ на базарной площади погорѣльцевъ, объявилъ имъ, что Государь Императоръ при свиданіи съ нимъ, въ Данцигѣ все-милостивѣйше изволилъ передать для погорѣльцевъ пять тысячъ рублей. При этомъ императоръ Вильгельмъ сказалъ собравшимся на площади слѣдующія слова:

«Его Величество Императоръ Николай, вашъ Всемиловѣйшій Государь, мой Дорогой Другъ, съ Которымъ недавно я имѣлъ свиданіе, выражаетъ вамъ моими устами Свой сердечный привѣтъ и полное состраданіе въ причиненномъ вамъ пожаромъ несчастіи. Я передаю вамъ отъ Имени Его Величества подарокъ въ 5,000 рублей, таковыя отдаю форстмейстеру фонъ-Синдъ Пауль, который вмѣстѣ съ начальникомъ уѣзда Линкомъ распредѣлять между пострадавшими. Изъ этого видно, что сердце Всемиловѣйшаго Государя вашего полно отцовскаго попеченія о васъ, и потому подарокъ сей примите, какъ доказательство Его отцовскаго милости, которая освѣняетъ своихъ подданныхъ и на отдаленнѣйшихъ окраинахъ государства. Государь надѣется, что вы, со своей стороны, окажетесь достойными Его милости. Приглашаю васъ провозгласить со мною за благоденствіе вашего Всемиловѣйшаго Государя Николая II «ура».

Народъ отвѣтилъ громкимъ «ура» за Государя Императора и за императора Вильгельма. Осмотрѣвъ мѣста пожара, высокий гость отбылъ верхомъ обратно въ Пруссію, сопровождаемый продолжительными кликами «ура» толпы народа.

Миролюбивое настроеніе господствуетъ за послѣднее время среди большинства культурныхъ народовъ и государствъ.

Одна лишь Англія, какъ печальное исключеніе, вступаетъ въ третій годъ кровавой расправы съ маленькимъ народомъ, обитающимъ въ Южной Африкѣ. Двухсотъ-пятидесяти-тысячная британская армія выбилась изъ силъ, преслѣдуя маленькіе отряды буровъ. Вытѣсняемые изъ территорій обихъ республикъ, отряды буровъ вторглись въ калекскую колонію, превративъ ее въ театръ главныхъ военныхъ дѣйствій. Лордъ Китченеръ издалъ знаменитую прокламацію, въ которой пригрозилъ всѣмъ вождямъ буровъ вѣчнымъ изгнаніемъ изъ южной Африки, если они не сдадутся до 15-го сентября н. с. На эту угрозу буры отвѣтили энергичными дѣйствіями на всемъ протяженіи полосы, занятой англійскими войсками. За сентябрь мѣсяцъ англійскіе офиціальныя источники удостоѣрили четыре пораженія, нанесенныя англійскимъ войскамъ, при чемъ вышло изъ строя болѣе трехсотъ человѣкъ и потеряны три орудія. Столкновенія британскихъ войскъ происходили по линіи желѣзныхъ дорогъ отъ сѣверныхъ округовъ Трансваали вплоть до южныхъ предѣловъ Капской колоніи, на протяженіи почти полутора тысячи километровъ.

Всѣ эти извѣстія подтверждаютъ намѣреніе буровъ доказать всему міру, что они вступаютъ въ третій годъ неравной борьбы съ тою же энергіей, съ какою они начали свое правое дѣло противъ посяательства Англіи. Но вмѣстѣ съ удивленіемъ геройству горсти южноафриканскихъ борцовъ за независимость, нельзя не придти въ ужасъ отъ тѣхъ мѣръ, какими англичане истребляютъ буровъ. Въ лагеряхъ, гдѣ содержатся жены и дѣти буровъ, смертность дѣтей за августъ мѣсяцъ достигла 348, смертность женщинъ достигла 213, а мужчинъ до 183 на тысячу человѣкъ, охраняемыхъ англійскими солдатами въ особо отгороженныхъ мѣстахъ. Какъ справедливо отзывалась газета *Daily News*, «эта статистика должна привести въ ужасъ всѣхъ, кто поддерживаетъ политику англійскаго правительства».